

— Вы не будете есть яблоко? — один из детей, не в силах сдержать любопытство, спросил звонким детским голосом.

— Я сыт, оставлю на завтра, — Стивен убрал яблоко в сумку и, нащупав внутри что-то твёрдое, достал две маленькие вещицы.

Услышав ответ, ребёнок, в котором ещё теплилась робость, радостно распахнул глаза, но, глянув на своё яблоко, заколебался:

— Тогда и я оставлю на завтра...

Он говорил так, но ему явно не хотелось расставаться с надкусанным плодом.

— Не надо подражать мне. Если откусишь яблоко сегодня, завтра оно уже не будет таким вкусным, — Стивен с интересом наблюдал за его метаниями.

— О! — ребёнок просветлел и снова принялся с упоением грызть своё яблоко.

Детей хорошо кормили: пусть на рукавах неизбежно были пятна, но одежда была тёплой и добротной, на ногах — сапожки из оленьей кожи, и даже вдали от огня их щёки оставались румяными, без следа худобы.

— Вы авантюрист? А чем занимаются авантюристы? — Бобби, жуя яблоко, сгорал от любопытства.

— Авантюристы живут в дикой природе и часто ночуют под открытым небом, — улыбнулся Стивен, протягивая им две конфеты, которые достал из сумки.

Дети с недоумением взяли их, но, увидев обёртки, радостно вскрикнули:

— Ой, это конфеты!

— А авантюристы могут есть конфеты?! — Бобби мгновенно позабыл о своих прежних страхах.

— Нет, у меня при себе только это да морковка. Это подарок, всего две, — Стивен вовсе не хотел создавать у малышей романтический образ странствий.

Ферма была зажиточной: чего стоили хотя бы привезённые хозяином уголь и зерно да стада скота. Жизнь пастуха, возможно, и скучна, но она куда безопаснее приключений. Однако дети не особенно вникали в его слова: всё их внимание было поглощено конфетами, и они даже на время забыли о яблоках, подбегая к родителям, чтобы разделить с ними радость.

— О, это же конфеты из лавки Бранда! — высокий мужчина сразу узнал их и повернулся к Стивену. — Это слишком дорогой подарок!

— Пустяки, просто оказались при мне, — улыбнулся Стивен.

— Нужно поблагодарить... — мужчина запнулся: — Как вас зовут?

— Стивен, — представился тот.

— Поблагодарите господина Стивена, — мужчина погладил детей по головам и, когда те с радостными криками побежали к красивому авантюристу, направился к двери: — Линда, я пойду проверю овец.

— Хорошо, — донеслось из спальни.

Хозяин вышел, и снова отчётливо послышался собачий лай, который стих, как только дверь закрылась. Дети подбежали к Стивену: дружба, скреплённая конфетами, прогнала их робость.

— Спасибо, господин Стивен! — звонко выкрикнул Бобби.

— Спасибо, — тише, но звонко повторила Мелли.

— Не за что, — улыбнулся Стивен.

Раньше он не особенно любил детей, но теперь, возможно, из-за долгой работы в приюте или просто с возрастом, он стал находить в этих юных созданиях что-то удивительное и полное жизни. Они растут, те, кто жил прежде, уходят — поколение сменяет поколение, и это похоже на круговорот. Кажется, что жизнь неизбежно угасает, но чувства, хранимые годами, не стираются временем — они остаются навсегда.

— Вы такой красивый, самый красивый из всех, кого я видела, — Мелли сжимала в руке конфету и говорила тихо, но глаза её сияли.

— И я такого же мнения, — не уступал Бобби.

Стивен чуть приподнял бровь. Ему не нужно было смотреться в зеркало, чтобы знать: он уже не так молод, как десятки лет назад, и время неумолимо кладёт свой отпечаток. Возможно, сейчас он ещё сохраняет привлекательность, но однажды состарится: силы иссякнут, лицо покроется морщинами, спина сгорбится. А Бранд останется всё таким же молодым, и они будут казаться дедом и внуком, а не возлюбленными. Это будущее пугало его, было кошмаром, от которого не сбежать.

— Правда? А кого вы любите больше всего? — тихо спросил Стивен.

— Больше всего? — малыш задумался. — Больше всего я люблю папу и маму!

— Я тоже!

Ответ был твёрдым и искренним. Возможно, со временем всё изменится, но любовь, кажется, не зависит от внешности.

— Бобби, Мелли, идите примерять новые башмаки, которые папа привёз, — из двери спальни выглянула Линда.

— Идём! — дети с радостным визгом бросились к ней, прижимаясь к матери. Линда обняла их и, взглянув на Стивена, улыбнулась:

— Господин Стивен, подождите немного, я сейчас принесу соломы из сарая, постелю одеяло — будет помягче.

— Не беспокойтесь, я сам принесу, — Стивен поднялся.

Для простых людей солома на полу была обычным делом, как и ночевать бок о бок со скотом ради тепла. Но здесь ему предлагали не просто кров, а ещё и одеяло — большего и желать было нельзя.

— Хорошо, — Линда указала на расчищенный угол: — Здесь подойдёт?

— Вполне, — Стивен кивнул и открыл дверь, чувствуя, как тяжесть разливается в груди.

Это был дом, полный любви, но на душе у него было горько, ведь у него было то же самое. Не усадьба, а человек. Они встретились в далёком Танзане, сошлись на чужбине, и он получил любовь этого человека, был на седьмом небе от счастья. То юношеское волнение не угасало с годами, и именно оно породило в нём жадность. Жадность не оттого, что он возненавидел Бранда или проклял его бессмертие, — оттого, что он его любил. Он так скучал по нему, так не хотел расставаться, но сейчас, кажется, делал всё, чтобы отдалиться.

Дверь распахнулась, и ветер бросил ему в лицо снежную крупу. Стивен прищурился, отворачиваясь, прикрыл за собой дверь и выдохнул облачко пара. Он уже хотел направиться к стогу, но замер на месте. Взгляд его упал на экипаж, стоящий за изгородью: когда он успел подъехать? В снежном вихре, в ледяном воздухе высилась стройная фигура, и золотистые глаза, отражая свет из окон, смотрели на него — неизвестно сколько времени.

Тот, кого он больше всего желал увидеть, появился в самый невозможный час и в самом

невозможном месте, словно наваждение, от которого сжалось сердце. Стивен сжал пальцы, и, встретившись с этим взглядом, понял — это не обман, никто не смог бы так подделать его.

— Как ты здесь оказался? — Стивен дрожал всем телом от бешеного биения сердца, и ему приходилось глубоко дышать, чтобы сдержать хлынувшие наружу чувства.

— Узнал, что ты заблудился, забеспокоился и приехал за тобой, — Сюй Юань смотрел на застывшего на месте человека. — Поедешь?

В зелёных глазах плескалось столько мыслей, что казалось, он не в силах вместить их все, и тело его слегка подрагивало. Каким бы свободолюбивым и беспечным он ни был, вопрос жизни и смерти — узел, который не каждому под силу развязать. Им суждено расстаться, но он не хотел, чтобы в жизни любимого остались сожаления. Как он говорил когда-то: если в конечной жизни нельзя делать то, что хочешь, — вот это и есть настоящее сожаление. Но сейчас он не был уверен в ответе.

Стивен медленно выдохнул — сердце пылало так, что жгло глаза, в них появилась влага, и одновременно в душе шевельнулась робость, неуверенность.

— Кто здесь?! — грубоватый голос и тяжёлые шаги нарушили застывшее оцепенение. Стивен обернулся: хозяин дома, отряхивая с одежды солому, приближался с вопросом. Но прежде чем Стивен успел представить гостя, высокий детина, разглядев стоящего у ворот, изумлённо вытаращил глаза и воскликнул:

— Господин Бранд?!

Стивен опешил, а детина уже в три шага оказался рядом и с неподдельным радушием заговорил:

— Господин Бранд, что вы здесь делаете?!

Сюй Юань взглянул на подошедшего, припомнил и улыбнулся:

— Давно не виделись, Мак.

— Давно не виделись, — Мак с радостью смотрел на него, хотел пригласить войти, но, взглядевшись в лицо, остолбенел: — Вы...

Он видел господина Бранда в раннем детстве — и тогда тот выглядел точно так же. Но прошло почти тридцать лет, а он ничуть не изменился, будто время обошло его стороной.

Мак раскрыл рот в изумлении, но увидел, как тот, как и в детстве, улыбнулся:

— Поможешь мне сохранить тайну?

— О! Конечно! — не колеблясь ответил Мак, наконец выходя из оцепенения. — Проходите, у вас здесь какие-то дела?

— Я приехал за человеком, не буду заходить, — Сюй Юань перевёл взгляд на застывшего Стивена и тихо позвал: — Поехали со мной.

Стивен вздрогнул, и плотина, сдерживавшая пылающее сердце, дала трещину; горячее хлынуло наружу. Мак проследил за его взглядом и удивился:

— Вы знакомы с господином Стивеном? Вот так совпадение!

— Да, благодарю, что позаботились о нём, — улыбнулся Сюй Юань.

— О, не стоит благодарности, помочь вашему другу — для меня честь, — искренне сказал Мак.
— Но сейчас ехать обратно, наверное, неудобно?

— Отсюда до моего дома недалеко, — Сюй Юань взглянул на Стивена, который уже подошёл, открыл калитку и посторонился: — Прошу прощения за беспокойство.

— Я очень рад снова вас видеть, — в глазах Мака светилась неподдельная радость и волнение.

— Я тоже рад, что у тебя всё хорошо, — Сюй Юань открыл дверцу экипажа.

— Мак, спасибо за гостеприимство, я поехал, — обернулся Стивен, садясь в экипаж.

— Хорошо, счастливого пути! — попрощался Мак и спохватился: — Ваш конь! Сейчас!

Он поспешил в конюшню, вывел коня и припряг его впереди экипажа. Шум, конечно, привлёк внимание из дома: дети выглянули в дверь и, увидев, как сидящий в экипаже машет им рукой, тоже помахали в ответ.

— На этот раз я выехал без гостинцев. Возьмите это как подарок к нашей встрече. До встречи,
— перед тем как сесть, Сюй Юань достал несколько конфет и вложил их в ладонь Мака.

Мак почтительно принял их, глядя на сажающегося в экипаж, и в глазах его зацепало. Он уже вырос и стал взрослым, но при встрече с господином Брандом вновь почувствовал себя ребёнком, которого одаривают заботой и лаской.

— До свидания.

Возможно, они больше никогда не увидятся, возможно, тот, как в детстве казалось ему, был подобен божеству, которое лишь приходит, чтобы подарить тепло, и даже если они не встретятся вновь, этого уже достаточно.

— Папа, кто это? — спросил маленький Бобби, когда Мак вернулся.

— Очень добрый и нежный человек, — ответил Мак.

— Папа, я хочу конфетку, — Мелли обняла его за ногу.

— Милая, ты сегодня уже съела одну, завтра съешь ещё.

— Ладно. А тот дядя тоже красивый!

— А папа?

— Папа самый красивый!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Мак, подхватил обоих на руки и вошёл в дом.

...

Экипаж тронулся, въезжая в метель. Снаружи качался и освещал дорогу фонарь, внутри свечи не горели, но в снежной ночной тряске было удивительно тихо.

— Мы поедem... — начал было Стивен, но его заключили в крепкие горячие объятия, и все слова застряли в горле, а руки, что до сих пор сдерживались, сами собой обвились вокруг любимого. Чувства, прорвавшие плотину, хлынули наружу, жгли нос и глаза.

Объятия были привычными и одновременно чуточку новыми, такими жаркими, будто хотели выжечь его дотла изнутри.

— Отсюда до усадьбы и правда рукой подать, будем на месте, когда луна встанет в зенит, — Сюй Юань прижимал к себе вцепившегося в его одежду возлюбленного и говорил тихо.

— Бранд... — прошептал тот.

— Что? — спросил Сюй Юань, но ответа не получил — только почувствовал, как крепче сжались руки вокруг него. Он позволил этим объятиям длиться, а потом поднял руку, взял лицо юноши, уткнувшегося в его шею, приподнял его, увидел влагу в уголках глаз и поцеловал в приоткрытые губы.

Зелёные глаза прикрылись, он хотел ответить на нежный поцелуй, но тот оказался глубже, чем он ждал, и пальцы, сжимавшие воротник, на миг потеряли опору; он просто утонул в этой страсти, которая позволила выплеснуться всему, что накопилось в душе. Он любил так сильно, что жаждал самой тесной близости, самого горячего чувства, но чем жарче оно было, тем быстрее сгорал он сам. Сердце билось в унисон, горячие волны разливались от него по всему телу, мысли путались, перед глазами всё плыло, лишь изредка пробивалось ощущение крепкой руки на талии и поцелуя, который, казалось, хотел поглотить его целиком.

Неужели он тоже не хочет с ним расставаться?

Это он велел ему не забывать, он же и погрузился в свои мысли на долгие дни. Он говорил, что короткая жизнь не должна быть в тягость, иначе это будет напрасной тратой, и всё равно продолжал тонуть в желании обрести бессмертие.

Когда поцелуй прервался, Стивен перевёл дыхание, глядя в медленно распахнувшиеся золотые глаза:

— Прости.

— Это мне нужно просить прощения, — Сюй Юань погладил его по щеке.

— Ты сожалеешь? — в груди Стивена заныло: возможно, он сожалеет о том, что всё началось.

— Я просто не хочу, чтобы ты страдал, — Сюй Юань коснулся уголка его глаза. — Я знал...

— Не жалею об этом, — Стивен взял его за плечи и прижался лбом к его лбу. — Я ни разу не пожалел, что полюбил тебя. Даже если бы мы не были вместе, я всё равно смотрел бы, как уходят близкие, и страх неизбежен, это часть жизни.

Он позволял себе быть слабым, но никогда не жалел о сделанном выборе.

— Ты должен позволить мне иногда быть слабым, — тихо сказал Стивен.

Сюй Юань на миг замер и прижал его к себе:

— Прости.

Горести в жизни неизбежны, но он слишком многого требовал от юноши, привыкшего к свободе, словно не позволяя ему ни печалиться, ни скорбеть.

— Не смей жалеть, — сказал Стивен.

— Дорогой, позволь и мне иногда быть незрелым, — Сюй Юань уткнулся носом в его волосы и усмехнулся.

Стивен чуть приподнял голову, коснулся лбом его подбородка и глубоко вздохнул:

— Тогда тебе стоит больше верить в меня.

— Я верю в тебя, — тихо сказал Сюй Юань.

— Тогда верь ещё сильнее, — Стивен опустил веки, выдыхая.

На его пути, возможно, встречалась горечь, но раз он выбрал его, значит, был готов проглотить эту горечь и смириться. К тому же, кроме нескольких горьких нот, остальное было сладким, именно сладость порождала желание, чуть не уведшее его от первоначального намерения. Но он вернётся к нему, потому что хочет быть рядом с этим человеком, быть с ним, быть любимым и любить. Пусть время конечно, но любовь останется чистой.

— Вот это требование, — Сюй Юань опустил взгляд, усмехнулся.

Стивен открыл глаза, встретил нежный взгляд и не смог сдержать улыбку:

— Может, тогда тебе стоит больше верить в себя?

Пока он рядом, он всегда будет возвращаться. Этот человек стоит того, чтобы отдать ему всё время без остатка, и он не станет уклоняться от того, каким его любят, — ведь таким он нравится и себе самому.

Сюй Юань посмотрел на него, тихо выдохнул и рассмеялся, провёл пальцем по его виску, глядя в такие же ясные зелёные глаза:

— Хорошо.

Его возлюбленный оказался крепче, чем он думал. В этих отношениях именно он вёл за собой, направлял его сердце.

Когда луна поднялась в зенит, экипаж въехал в усадьбу. Большинство огней в доме погасли, лишь тусклый свет из главной залы пробивался сквозь дверную щель и ложился на белый, светящийся в ночи снег. Дверца экипажа открылась, Сюй Юань взял любимого на руки и, пройдя по тёмному коридору, поднялся наверх. Дверь спальни отворилась: в комнате было тепло от камина, но сам камин был заслонён, и света не давал — лишь холодный лунный свет, отражённый снегом за окном, проникал в спальню, где шторы не были задёрнуты. Стивен оказался на постели, и в ночной прохладе почувствовал горячие поцелуи на шее, дыхание

перехватило:

— Ты ещё можешь целовать меня сейчас, а что будешь делать потом?

— Потом? — Сюй Юань коснулся губами уголка его губ.

— Потом я стану совсем старым, — Стивен коснулся его щеки, но, к своему удивлению, страха не ощутил.

Бранд был готов к этому с самого начала, а вот он, Стивен, ещё не дорос до этой мысли, считал, что ему всё нипочём, но теперь и сам уже не так боится.

Если в конечной жизни нельзя делать того, что хочешь, — это и есть истинное сожаление.

— Пока ты в силах, я готов, — Сюй Юань сжал его руку и улыбнулся.

Стивен почувствовал, как горячая волна от запястья разливается по всему телу, обжигая изнутри, но отчего-то зачесались зубы:

— Господин Бранд, вы что, зверь?

— Думаю, ты не в первый раз об этом узнаёшь, — Сюй Юань опустил его руку и поцеловал чуть обиженные губы.

Стивен замер, но потом с какой-то обречённостью обнял его за шею. Он знал: он уже проиграл, и проиграл окончательно.

...

На двадцать втором году жизни Стивена в этом городе Фубинь похоронили в чужой земле. Маленькая аккуратная могильная плита среди цветов в роще усадьбы. В тот день приехали многие из детей, когда-то покинувших приют. Были те, кто плакал, были те, кто молча стоял в скорби. Стивен стоял среди цветов, но Бранда нигде не было видно. Они сами похоронили его, но Бранду больше не стоило появляться на людях. Во времена правления Хилари многие в Логе начали забывать о нём, даже прислуги в усадьбе становилось всё меньше. Стивен поднялся наверх по лестнице, освещённой свечами, и услышал у окна голоса.

— Господин Бранд, я уволила часть работников в поместье, — раздался мягкий, но твёрдый женский голос — это говорила Анни.

— Что-то случилось? — голос Бранда был всё так же нежен.

— Они тайно меняли питание для детей и извлекали из этого прибыль, — Анни, стоя у окна, чуть нахмурилась.

— Только уволила? — Сюй Юань поднял глаза на женщину с собранными в пучок золотистыми волосами, выглядевшую теперь очень деловой.

— Да, — Анни удивлённо посмотрела на него. — Слишком мягко?

В её вопросе чувствовалась та же девочка, что когда-то спокойно перебирала бобы. Сюй Юань улыбнулся:

— Ты справилась отлично, но зачинщиков нужно наказывать строже, чтобы впредь неповадно было совать руки не в своё дело.

В мутной воде рыба не водится, но раз решил чистить, нужно бить так, чтобы всех проняло. Анни задумалась, потом улыбнулась:

— Я поняла.

[Системное уведомление: Поздравляем с выполнением желания Анни. Получено 10 000 очков обратной связи мира. Общее количество очков: 3 657 620 000.]

Сюй Юань поднял взгляд и увидел, как женщина, поклонившись ему, улыбаясь, прощается — он знал, что теперь она сможет идти по жизни сама.

— Господин Стивен, я пойду, — донёсся снизу голос Анни.

— Анни, будь осторожна в пути, — ответил Стивен.

— Хорошо.

Шаги разошлись, и Сюй Юань обернулся на поднимающегося по лестнице человека:

— Закончил?

— Ещё нет, — Стивен подошёл, посмотрел на раскрытую перед ним книгу, обхватил его за плечи и улыбнулся: — Анни выросла и теперь может справляться сама.

— М-м, чувствуешь себя родителем, провожающим дочь? — Сюй Юань повернул голову, улыбаясь.

— Хм, — Стивен усмехнулся и потерся щекой о его щёку.

<http://bllate.org/book/18299/1946751>